

Чжилань, увидев это, шагнула вперёд и сама взяла чашу с подноса.

Сяо Гоуцзы крикнул, но Чжилань в ответ ударила его по лицу, и поднос упал на пол.

Чжилань подошла к кровати Дуань Юньшэня с чашей в руках:

— Лекарство не горячее, наложница Юнь, выпейте сразу.

С этими словами она приготовилась разжать его челюсти и насильно влить лекарство.

Её наглость была небезосновательной.

Во-первых, она думала, что Дуань Юньшэнь действительно тяжело болен тифом и не сможет сопротивляться.

Во-вторых, она испытывала смесь гнева и страха перед тираном, и теперь, когда его не было рядом, его любимая наложница стала идеальной мишенью для вымещения злости.

Она действовала по приказу Великой вдовствующей императрицы, и даже если её методы были грубыми, она следовала её указаниям. Если тиран позже придёт разбираться, Великая вдовствующая императрица защитит её.

С такими мыслями она чувствовала себя всё более наглой.

Эта женщина, хоть и невысокая, была сильной. Когда она сжала щёки Дуань Юньшэня, ему стало больно, и он нахмурился.

Сяо Гоуцзы, хотя и советовал Дуань Юньшэню подчиниться Великой вдовствующей императрице, сейчас чётко понимал, кто его господин. Он закричал:

— Отпустите нашу госпожу!

И попытался оттащить Чжилань.

Но прежде чем он успел броситься вперёд, евнухи, пришедшие с Чжилань, уже схватили его.

Сяо Гоуцзы кричал:

— Госпожа! Отпустите госпожу!

Дуань Юньшэнь, слушая это, испытывал смешанные чувства. С одной стороны, он был тронут тем, что Сяо Гоуцзы так решительно защищает его, с другой — подумал: «Я ещё не умер, так зачем кричать так трагично?»

Чжилань, сжимая щёки Дуань Юньшэня, уже подносила чашу к его губам, но прежде чем она успела это сделать, его рука выскользнула из-под одеяла и схватила её запястье.

Чжилань ахнула.

Хотя Дуань Юньшэнь обычно был ленив, ел и спал, в вопросах силы между мужчиной и женщиной есть генетическая разница.

Даже если он обычно был слаб, он всё же был мужчиной и не мог проиграть в силе девушке, которая целыми днями только подавала чай.

Чжилань смотрела, как её рука медленно отодвигается, несмотря на все её усилия сопротивляться.

Красно-коричневая жидкость в чаше колебалась во время этой борьбы, и несколько капель даже попали на одеяло.

Сяо Гоуцзы, который только что кричал с искренним чувством, теперь замолчал, смотря на свою госпожу с изумлением.

В глазах Сяо Гоуцзы его госпожа была милой, доброй и мягкой, только ела и спала, но сейчас...

— Ты... Ты же тяжело болен? — спросила Чжилань.

Дуань Юньшэнь замялся.

Ах да, тяжело болен.

— Кхе-кхе... — он закашлялся. — Я почти умираю, а вы ещё и издеваетесь надо мной, ых.

Все молчали.

Дуань Юньшэнь продолжал тянуть руку Чжилань, пока чаша не опрокинулась, и лекарство пролилось на пол.

Убедившись, что лекарство уже не собрать, он отпустил её запястье.

Чжилань резко отдернула руку, отступив на два шага от кровати, растирая синяк на запястье, смотрела на наложницу Юнь с удивлением и гневом.

Дуань Юньшэнь тоже чувствовал себя неловко.

Он считал себя нормальным человеком и не мог, как Цзин Шо, спокойно выпить яд, зная, что это яд.

Кроме того, поведение Чжилань сегодня было слишком грубым. Разжимать челюсти и насильно вливать лекарство — даже если не учитывать древние порядки, с точки зрения современных норм уважения, это было слишком.

Чжилань, видимо, была настолько шокирована, что долго не могла вымолвить слова, но наконец выдавила:

— Как ты посмел! Это подарок Великой вдовствующей императрицы!

Дуань Юньшэнь с уверенностью ответил:

— Я — любимая наложница, вчера мне сказали, что я могу вести себя нагло.

Да, тиран сказал!

Если небо упадёт, он меня прикроет!

Чуньюй, которая до этого молчала, увидев, что наложница Юнь не так проста, как казалось, нахмурилась и сказала:

— Чжилань! Как ты можешь так обращаться с наложницей Юнь!

Дуань Юньшэнь потёр щеку, Чжилань сжала её довольно сильно, не столько из-за её силы, сколько из-за острых ногтей.

Он посмотрел на Чуньюй, которая до этого молчала, а теперь вмешалась. Он был уверен, что у неё были свои планы.

Как и ожидалось, Чуньюй, отругав Чжилань, снова поклонилась и сказала:

— Мы всего лишь выполняем приказ Великой вдовствующей императрицы, пожалуйста, наложница Юнь, не усложняйте нам задачу.

С этими словами она махнула рукой, и одна из служанок вышла, но через мгновение вернулась, держа точно такую же чашу с лекарством.

Даже узоры на нефритовой чаше были идентичны, возможно, это была пара.

Дуань Юньшэнь вздохнул.

Чуньюй взяла чашу и вежливо сказала:

— Простите, госпожа.

Как только она произнесла это, евнухи и охранники за её спиной бросились вперёд и прижали Дуань Юньшэня к кровати.

Чуньюй спокойно подошла с чашей в руках.

Дуань Юньшэнь был прижат так сильно, что не мог пошевелиться, и чаша уже приближалась к его губам.

Евнух сжал его щеки, и он даже не мог закрыть рот.

Сяо Гоуцзы, которого держали два евнуха, пытался помочь, но не мог вырваться и только кричал:

— Отпустите госпожу!

Дуань Юньшэнь уже почувствовал запах лекарства — густой горький аромат, смесь странных трав.

«Система! Система, спаси меня! — подумал он. — Эй, я ведь спас твоего Цзин Шо, не притворяйся мёртвой!»

Система, конечно, не ответила. Она давно не появлялась, неизвестно, чем была занята.

Тиран, находящийся под домашним арестом, тоже не мог помочь — у него не было всевидящего ока, чтобы знать, что здесь происходит.

Сяо Гоуцзы явно не мог вырваться — даже если бы он смог, он бы не помог.

Дуань Юньшэнь почувствовал, что значит кричать и не быть услышанным.

Первая порция лекарства уже попала ему в горло, и из-за его сопротивления жидкость попала в дыхательные пути, вызывая сильный кашель.

Чуньюй, конечно, не остановилась из-за его кашля и продолжала вливать лекарство.

— Кхе... кхе...

В этот момент снаружи влетел камень и попал Чуньюй прямо в голову.

Она почувствовала, как её голова «загудела», даже не успев почувствовать боли, и упала на пол, потеряв сознание. Чаша с лекарством тоже упала.

Дуань Юньшэнь продолжал кашлять, но охранники и евнухи, державшие его, остановились, поражённые произошедшим.

Причина была проста: из волос Чуньюй на пол полилась кровь, и она так быстро распространилась, что в мгновение ока покраснел весь пол.

Казалось, что на её голове зияла огромная рана.

Пока все стояли в оцепенении, снаружи раздался громкий голос:

— Его Величество прибывает!

Голос звучал не как у евнуха, а как у молодого мужчины, полного сил.

Следом за этим Фан Ю втолкнул Цзин Шо во дворец.

Сумасшедший тиран!

Все служанки и евнухи в зале были в ужасе.

Сяо Гоуцзы, воспользовавшись моментом, вырвался из рук евнухов и бросился спасать своего господина.

Кто-то в зале первым упал на колени, и в мгновение ока все последовали его примеру, дрожа и не смея поднять головы:

— Приветствуем Его Величество...

Цзин Шо увидел Дуань Юньшэня на кровати.

Тот кашлял так, что, казалось, вот-вот умрёт, и не мог говорить, только махал рукой, показывая, что с ним всё в порядке.

Цзин Шо стал ещё мрачнее. Разве он сам не видел, что всё не в порядке?

Если бы он опоздал на мгновение...

Цзин Шо перевёл взгляд на слуг, которые помогали творить беззаконие.

Почти все уже стояли на коленях, только Чуньюй лежала на полу, ожидая, когда её заберёт владыка смерти.

Чжилань, которая до этого была так нагла, теперь дрожала, лёжа на полу. Она едва

осмелилась украдкой взглянуть на тирана, но их взгляды встретились.

Чжилань ахнула.

«Старая лисица» — пренебрежительное прозвище Великой вдовствующей императрицы.

<http://bllate.org/book/16211/1455646>